

Дневник Гуантанамо. Дневник ада на Земле

Тюрьма в Гуантанамо — самое охраняемое место на Земле. Это лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных тяжких преступлениях, в частности в терроризме, ведении войны на стороне противника. Тюрьма в Гуантанамо отличается от обычной тюрьмы особыми условиями содержания. Все заключенные находятся в одиночных камерах, а самих заключенных — не более 50 человек. Тюрьму охраняют 2000 военных. В прошлом тюрьма в Гуантанамо была настоящей лабораторией пыток; в ней применялись пытки музыкой, холодом, водой и лишением сна. Заключенные годами заточены с мыслью о возможной казни.

Книга, которую вы держите в руках, — первое в истории произведение, написанное узником Гуантанамо. Мохаммед ульд Слахи отбывал 14-летний срок, во время которого писал свои тюремные записки о месте, о котором не известно практически ничего. В своих записках Мохаммед стремился отразить нравы, царящие в тюрьме, и найти способ не потерять разум, когда ты вынужден проводить день за днем в одиночной камере.

Мохаммед ульд Слахи,
Ларри Симс

ДНЕВНИК ГУАНТАНАМО

Дневник ада на Земле

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 343.97
С 47

Guantánamo Diary

by Mohamedou Ould Slahi / Edited by Larry Siems

Слахи М. Ульд, Симс Л.
С 47 Дневник Гуантанамо. Дневник ада на Земле. / Мохаммед ульд Слахи, Ларри Симс. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 460 с.

ISBN 978-611-01-2845-2

Тюрьма в Гуантанамо — самое охраняемое место на Земле. Это лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных тяжких преступлениях, в частности в терроризме, ведении войны на стороне противника. Тюрьма в Гуантанамо отличается от обычной тюрьмы особыми условиями содержания. Все заключенные находятся в одиночных камерах, а самих заключенных — не более 50 человек. Тюрьму охраняют 2000 военных. В прошлом тюрьма в Гуантанамо была настоящей лабораторией пыток; в ней применялись пытки музыкой, холодом, водой и лишением сна. Заключенные годами заточены с мыслью о возможной казни.

Книга, которую вы держите в руках, — первое в истории произведение, написанное узником Гуантанамо. Мохаммед ульд Слахи отбывал 14-летний срок, во время которого писал свои тюремные записки о месте, о котором не известно практически ничего. В своих записках Мохаммед стремился отразить нравы, царящие в тюрьме, и найти способ не потерять разум, когда ты вынужден проводить день за днем в одиночной камере.

ISBN 978-611-01-2845-2

УДК 343.97

Diary, restored diary, and introduction to the restored edition copyright © 2015, 2017 by Mohamedou Ould Slahi
Notes and introduction to the original edition copyright © 2015, 2017 by Larry Siems
© Издательский дом «Сварог», 2023.

Об авторах

Мохаммед ульд Слахиродился в маленьком городке в Мавритании в 1970 году. Он выиграл грант на обучение в колледже в Германии и несколько лет проработал там инженером. В 2000 году он вернулся в Мавританию. В следующем году по приказу Соединенных Штатов его задержали власти Мавритании и передали в иорданскую тюрьму, затем отправили на военную базу в Баграме в Афганистане, а 5 августа 2002 года — в тюрьму Гуантанамо на Кубе, где подвергли его жестоким пыткам. В 2010 году федеральный судья постановил немедленно освободить Мохаммеда, но правительство подало апелляцию. 16 октября 2016 года с него были сняты все обвинения. Мохаммеда освободили и отправили на родину, в Мавританию. После этого против него не выдвигалось никаких обвинений.

Ларри Симс — писатель и правозащитник. Много лет возглавлял программу «Свобода писать» в американском центре PEN. Его последняя работа — «Отчет о пытках: О чем говорится в документах по программе пыток в США после терактов 11 сентября». Ларри Симс живет в Нью-Йорке.

Отзывы о «Дневнике Гуантанамо»

«Невообразимо... Определенно самый влиятельный и интересный пример тюремной литературы, который появился из-за неправильной трактовки „глобальной войны против терроризма“».

Стив Кол, New York Review of Books

«Больше, чем просто мемуары, эта книга — уникальный и пристальный взгляд на то, что происходит с осужденными, когда они попадают туда, где их никто не принимает за людей. Эти записи поднимают вопрос, действительно ли пытки справляются со своей задачей. Слахи ставит под сомнение эффективность пыток, которые пережил заключенный, признанный виновным сразу после своего задержания. Влияние правительства Соединенных Штатов чувствуется на протяжении всей книги».

Крус Серус, Minneapolis Star Tribune

«„Дневник Гуантанамо“ рассказывает о недавних экспериментах в Гуантанамо. Подобные книги сейчас исключительно редкие, потому что военные США не разрешают репортерам общаться с заключенными. В книге изложены записи, которые было бы невыносимо сложно читать, если бы Слахи не смог написать их с долей иронии».

Кэрл Розенберг, Miami Herald

«Изображение ада, намного превосходящее Оруэлла и Кафку: нескончаемые пытки, предписанные безумными докторами из Вашингтона».

Джон ле Карре, автор книги «Хрупкая истина»

«Написанные разговорным английским, которому Слахи успел научиться в заточении, эти страницы изуродованы стараниями агентов американской разведки тысячами черных прочерков. Его рукопись являет собой мрачный шедевр, порой невыносимую летопись боли, отчаяния и горького юмора, который пришелся бы по вкусу Достоевскому, написавшему „Записки из Мертвого дома“. Эта история, которую до настоящего момента никому не удавалось описать столь тщательно и убедительно, напоминает постмодернистскую и глобальную версию процесса над салемами ведьмами. Когда страдания неслышанных и неосужденных становятся не более чем побочным ущербом, допустимыми потерями — в этот момент Америка преступает черту. Шаги, что привели нас к такому, оставались бы по большей мере в тайне, если бы не публикация этих и многих других свидетельств».

Марк Даннер, New York Times Book Review

«Жизненная и ошеломляющая книга, которая, без сомнений, является переломным моментом в истории и литературным триумфом».

Эли Искит, Salon

«Доступная широкой публике информация придает веса описанию событий по версии Слахи... В 2004 году подполковник Стюарт Коуч, на тот момент исполняющий функции прокурора по Гу-

антанамо, предпринял неожиданный шаг и отказался предъявлять обвинения против Слахи, узнав, что все признательные показания были получены в результате пыток. Описания этих пыток — самые убедительные и тяжелые строки во всей книге. К сожалению, они очень похожи на правду, поскольку тесно перекликаются с описаниями официальных расследований по отношению к другим заключенным в руках Соединенных Штатов... Дневник пестрит уникальными и яркими деталями, которыми невозможно пренебречь».

Дебора Перлстейн, Washington Post

«Слахи изучал английский во время своего заключения, но его записки пронизаны красотой и эмоциями. Его стиль сложный, неровный, но очень пронизательный. Рукописные страницы, которыми перемежаются главы книги, создают эффект подлинности. Страницы перечеркнуты, изрезаны, что создает некую пустоту, ведь многие имена, детали и локации остаются засекреченными. Еще это отражает повсеместную проблему, а именно бессовестную политику Соединенных Штатов по отношению к своим гражданам».

Джон Ярго, The Millions

«К большому удивлению, книга Слахи не только печальная и ужасающая, но и забавная. Тон записок дружелюбный, возмущенный, любознательный и ироничный. Слахи очеловечивает не только себя, но и своих охранников и следователей. Нельзя сказать, что он оправдывает их. Как раз наоборот, он представляет их сложными личностями, которые ищут доброту в жестокости и правильное в неправильном».

Джошуа Роммен, The New Yorker

«Новая захватывающая книга пришла к нам из одного из самых спорных мест на планете, и правительство США не хочет, чтобы вы читали ее. Прошу прощения, если это звучит как громкий маркетинговый заголовок. Дело в том, что это правда. Мы еще очень многого не знаем о Гуантанамо, о тюрьме, в которой ужасные вещи совершают от имени каждого гражданина США».

Кевин Кенфилд, San Francisco Chronicle

«Любой, кто прочитает „Дневник Гуантанамо“, а это должен сделать каждый человек в здравом уме, будет шокирован. Призыв Слахи к простой справедливости должен стать нашим призывом к действию. Ведь на кону стоит не только судьба одного человека, которому, несмотря ни на что, удалось рассказать миру о случившемся, но и будущее нашей демократии».

Гленн Гринвальд, автор книги «No place to hide»

«На этих страницах изображен интеллигентный человек, сбивтый с толку, обманутый, избиваемый неделями и месяцами, но все еще добрый и веселый».

Стив Пол, Kansas City Star

«Поражает не только наглядное описание всех издевательств над Слахи, но и его сердечность, даже по отношению к своим мучителям и надзирателям. В центре повествования — испытания Слахи, но книга о далеко не только об этом. Это доклад о том, что другие страны причастны к подобным пыткам. Это ужасающий пример того, что происходит с невинными людьми, когда закон не имеет никакого значения. По словам редактора книги Ларри Симса, это „грандиозное событие для нашего времени“».

Ноа Яком, Huffington Post

«Захватывающе... Невообразимо... Слахи выступает на этих страницах любопытным и великодушным человеком. Наблюдательным, остроумным, набожным, но не фанатичным. „Дневник Гуантанамо“ заставляет задуматься, почему Соединенные Штаты отбросили идею о том, что только своевременное судебное разбирательство может решить, кто заслуживает тюремного заключения».

Скотт Шейн, New York Times

«Несмотря на множество трудностей, связанных с изданием такого рода книги, „Дневник Гуантанамо“ — лучшее, возможно, изображение всей судебной системы со времен 11 сентября».

Омар эль Аккад, Globe and Mail

Хронология событий

Январь 2000 г. После 12 лет учебы и работы за границей, преимущественно в Германии, а также в Канаде, Мохаммед ульд Слахи решает вернуться на родину — в Мавританию. По пути его дважды задерживают по приказу правительства Соединенных Штатов, в первый раз — полицией Сенегала, во второй раз — правительством Мавритании. ФБР допрашивает его в связи с так называемым заговором, целью которого был подрыв центрального аэропорта Лос-Анджелеса. Не найдя доказательств того, что Мохаммед причастен к теракту, власти освобождают его 19 февраля 2000 года.

2000 — осень 2001 гг. Мохаммед живет с семьей и работает инженером-электриком в Нуакшоте, Мавритания.

29 сентября 2001 г. Власти Мавритании на две недели арестовывают Мохаммеда, и ФБР вновь допрашивает его о причастности к заговору «Миллениум»[1]. Он выходит на свободу, правительство Мавритании официально признает его невиновным.

20 ноября 2001 г. Полиция Мавритании прибывает к дому Мохаммеда и просит его проследовать за ними для дальнейшего допроса.

Он соглашается и отправляется в полицейский участок на своем личном автомобиле.

28 ноября 2001 г. Мохаммеда отправляют самолетом ЦРУ из Мавритании в Амман, где его в течение семи с половиной месяцев допрашивает служба разведки Иордании.

19 июля 2002 г. ЦРУ забирает Мохаммеда из Аммана: он в одних памперсах, с завязанными глазами, в наручниках. В таком виде его перевозят на военную базу Баграм в Афганистане. Именно с этих событий начинается «Дневник Гуантанамо».

4 августа 2002 г. После двух недель допроса в Баграме Мо-

хаммеда военным самолетом отправляют в Гуантанамо с 34 другими арестованными. Группа заключенных прибывает туда 5 августа 2002 года.

2003–2004 гг. Работая с Мохаммедом, Служба разведки США использует «план специального допроса», который лично одобрил министр обороны Дональд Рамсфелд. пытки Мохаммеда включают месяцы изоляции, разнообразные физические, психологические и сексуальные унижения, угрозы смерти и угрозы его семье, фиктивное похищение и экстрадицию.

3 марта 2005 г. Мохаммед пишет заявление о пересмотре его обвинения в причастности к теракту с постановлением «Хабеас Корпус»[2].

Лето 2005 г. Мохаммед пишет 466 страниц дневника, которые впоследствии станут этой книгой, в своем карцере в Гуантанамо.

12 июня 2008 г. Верховный суд США постановляет, что заключенные в Гуантанамо имеют право оспорить свое содержание под стражей по постановлению «Хабеас Корпус».

Август–декабрь 2009 г. Окружной судья Джеймс Робертсон рассматривает заявление Мохаммеда.

22 марта 2010 г. Судья Робертсон одобряет заявление и приказывает отпустить Мохаммеда из Гуантанамо.

26 марта 2010 г. Администрация президента Обамы подает апелляцию.

5 ноября 2010 г. Апелляционный суд округа Колумбия отправляет дело Мохаммеда с постановлением «Хабеас Корпус» обратно в Федеральный окружной суд США на повторное слушание. В Федеральном окружном суде делу суждено томиться годами.

20 января 2015 г. «Дневник Гуантанамо» издается в Соединенных Штатах, в Великобритании и еще семи странах. Издатели в 19 других странах выпускают переводы этой книги в течение следующих двух лет.

2 июня 2016 г. Мохаммед предстает перед Комиссией по пери-

одическому пересмотру.

14 июля 2016 г. Комиссия заключает, что пребывание Мохаммеда в Гуантанамо «более не имеет необходимости вопреки тому, что сохраняется значительная угроза безопасности Соединенных Штатов».

16 октября 2016 г. Мохаммед освобожден из Гуантанамо. Так же, как и 14 лет назад, во время полета он закован в наручники, на него надеты наушники, завязаны глаза.

17 октября 2016 г. Военный самолет приземляется в аэропорту Нуакшота в Мавритании в два часа дня. Спустя несколько часов Мохаммед воссоединяется с семьей.

Примечания редактора Ларри Симса к тексту и комментарию к восстановленному изданию

В конце примечаний, заметок и комментариев к первому изданию «Дневника Гуантанамо» я писал:

Так много трудностей с работой над этой книгой связано с тем фактом, что правительство Соединенных Штатов продолжает держать оригинальную рукопись под цензурой. В связи с этим автор не может принимать участие в редактировании книги. С нетерпением жду дня, когда Мохаммеда ульд Слахи освободят, и мы сможем ознакомиться с его историей так, как ее рассказал бы он лично.

Этот день настал, и мы можем ознакомиться с этим изданием.

16 октября 2016 года, спустя 5445 дней после того, как Мохаммед отправился в мавританский полицейский участок для допроса и бесследно исчез, его выпустили из Гуантанамо и доставили в родной город Нуакшот. Через несколько часов мы разговаривали с ним по видеосвязи — тогда мы общались впервые. Через несколько недель мы встретились лично в аэропорту Нуакшота.

С тех пор, к моему превеликому удовольствию, мы общаемся почти каждый день с помощью электронной почты, Skype, WhatsApp и SMS. Большая часть времени потрачена на работу над этим изданием «Дневника Гуантанамо». Это доказывает, что надежда, которую я выражал в своих первых заметках, была не напрасна. Теперь у нас есть возможность дополнить книгу тем, что написал Мохаммед с момента своего освобождения. Со всей ясностью и ответственностью перед читателями мы извлекаем оригинальные

записи от жестких ограничений, обусловленных цензурой.

Во введении к новому изданию Мохаммед объясняет, что мы отнесли к редактированию как к реставрации какого-то древнего здания или поврежденной картины.

Если бы у нас был доступ к оригинальным нецензурированным рукописям, нам достаточно было бы заполнить текстом пропуски. Но даже это потребовало бы от нас невероятных усилий, ведь было очень сложно прочувствовать, что нужно добавить, отредактировать или дополнить в нетронутом тексте. Порой было сложно подобрать подходящие фразы и выражения.

Мы разделили работу на несколько этапов, начиная с короткой редактуры вымаранных существительных и местоимений и заканчивая страницами длинных описаний, которые в оригинале разделены на три части. На двух страницах описан допрос Мохаммеда на полиграфе, а третья — это стихотворение, написанное им в годы заключения. Повторить в точности текст было невозможно, ведь прошло более 10 лет с момента его написания. Мы договорились, что наша цель — восстановить сцены, которые подверглись цензуре, с максимальной точностью и честностью. Так, сначала Мохаммед воссоздавал эти сцены, а потом мы вместе их редактировали. Мы стремились сохранить стиль написания и повествования самого первого издания книги. Тем не менее нам пришлось сместить часть текста с начала пятой главы в конец первой, чтобы сохранить хронологию допросов.

В этом издании слова иногда выделяются темным. Так мы показываем, что в этих местах текст был восстановлен. Это сделано для тех, кто желает сравнить эту версию с самым первым изданием.

Это не очень заметно, но при сравнении двух изданий можно увидеть, что в некоторые сноски были внесены изменения. В первом издании они служили для двух целей. Во-первых, чтобы привлечь внимание читателя на официальные документы, подтверждающие слова Мохаммеда. Во-вторых, чтобы поделиться с читателем

догадками и слухами о том, что могло быть скрыто цензурой во время редакции книги. К счастью, эти слухи более не имеют никакого смысла, поэтому некоторые сноски были удалены. Те, которые остались, и те, которые были добавлены, отсылают к обширной документации, связанной с делом Мохаммеда.

Спустя пять лет после того, как я в первый раз получил на руки диск с отцензурированной версией рукописей Мохаммеда, я все еще пытаюсь понять весь масштаб и напряженность тех мучений. Они говорят во многом об отношении нашего государства к базовым правам человека. Каждый день я жил с этими рукописями, а теперь, к огромному счастью, и с самим их автором, и я понял, что «Дневник Гуантанамо» — это символ надежды и перемен.

Однажды вечером, спустя несколько недель после освобождения, Мохаммед стоял у задних ворот своего потрепанного дома на краю Сахары. Ему вспомнился вечер 20 ноября 2001 года, когда он попрощался с мамой и тетей. Он убеждал их, что вернется через несколько часов. После этого он сел в машину и направился в полицейский участок. Мы осознали, что прошло 15 лет с того дня. Я видел его в начале этого путешествия и в конце. И я вижу, что эти 15 лет были невыносимо тяжелыми для него.

Я чувствовал это много раз, пока мы работали над редакцией нового издания. Теперь Мохаммед дома. Его предназначение повесть свою историю миру исполнено этим изданием книги. Говоря не как редактор, а как житель Америки, я вижу, что еще очень многое должно быть сделано. Но Мохаммед сделал то, что должен был. Остальное за нами.

Конец истории и введение в новое издание по Мохаммеду ульд Слахи

1

Каждый раз, когда в заливе Гуантанамо объявлялось штормовое предупреждение, я думал об одном и том же. Я воображал, как тюремный лагерь стирало ураганом, и все мы — заключенные и надзиратели — сражались бок о бок, чтобы выжить. Иногда я спасал много людей, иногда меня спасали, но всегда нам удавалось выжить, остаться невредимыми и свободными.

Именно об этом я мечтал 7 октября 2016 года, когда ураган «Мэтью» надвигался со стороны Карибского моря. По прогнозу, он должен был достичь Гуантанамо, поэтому командование лагеря решило перевести всех 70 заключенных в шестой лагерь. Он был самым безопасным на всей территории Гуантанамо. Мне сказали, что мои личные вещи могут не пережить ураган, поэтому я взял фотографии семьи, Коран и два диска с комедией «Два с половиной человека». Старший офицер, находившийся в тот момент во главе лагеря, весьма сочувствующий человек. Ему за 40 лет, он из Испании. Он смог передать мне свой проигрыватель, но тот сломался уже через несколько минут.

Снаружи моей камеры разгорелся спор между заключенным и охранниками. Они спорили о температуре в блоке, и мы прекрасно понимали, что этот спор бессмысленный. Но заключенного было уже не остановить.

— Вы, американцы, даже если бы я относился вам как к людям, вы бы все равно не уважали меня! — кричал он.

— Мы можем разобратся по-хорошему или по-плохому, — отвечали охранники.

Я старался не обращать внимания на их разговоры и всю ночь слушал сильный ветер, продувающий камеру насквозь. В это же время я мечтал об очередном драматичном побеге.

Здание было таким крепким, что я вообще не слышал звуков шторма. С самого утра по лагерю ходили слухи о заключенных, которых собираются увозить. По слухам, появился план, по которому меня должны были переселить к марокканцу Абдулу Латифу Назиру и алжирцу Суфьяну Бархуми. За последние несколько лет мы слышали уже столько слухов, которые так и остались слухами, что уже научились не верить им и не радоваться раньше времени. На этот раз все было иначе.

Днем меня ожидала интересная новость. Главным в лагере была назначена новый офицер. Она только заступила на пост, и я еще не успел повидаться с ней. Она прошла мимо моей камеры, посмотрела на меня и широко улыбнулась. Такую улыбку я не видел уже очень много лет.

— Вы же знаете, что скоро уезжаете отсюда? — сказала она. — Это было лучшее из возможных знакомств с новой Организацией исламского сотрудничества: я заступаю на пост, а вы уезжаете домой.

Меня перевели в другой блок. Я встретился с представителями Международного комитета Красного Креста, которые официально заявили, что меня должны доставить домой. Правительство Соединенных Штатов дрожит от одного только упоминания об освобождении заключенных, поэтому они используют слова «доставлять» и «переставлять», как будто мы посылки или беженцы. Язан, представитель Иордании, которого я знал по предыдущему составу делегации МККК, спросил, согласен ли я на перевозку в Маврита-

нию. Я ответил, что согласен на любую предложенную перевозку, процитировав название известной песни «Куда угодно, лишь бы подальше отсюда». На следующий день мои адвокаты Нэнси Холлендер и Тереза Дункан позвонили мне из Соединенных Штатов, чтобы подтвердить новость. Только после этого я смог сказать себе: «Теперь это официально, я покидаю эту тюрьму после стольких лет боли и унижения».

— Завтра у вас «Золотая встреча», — сказала офицер, когда я вернулся в камеру после телефонного звонка. Она все еще улыбалась.

«Золотая встреча» проходит в «Золотом доме» — здании, построенном для допросов. Поначалу допросы были не такие уж и плохие по меркам Гуантанамо. Мы отвечали на всевозможные вопросы ФБР, ЦРУ и американской службы разведки. Но в 2003 году здание отремонтировали и стали использовать для пыток, как «Коричневый дом» и «Желтый дом». Именно в этом «Золотом доме» я, закованный в наручники, провел множество бессонных ночей, дрожа от холода. Я поедал бесчисленное количество сухих пайков и слушал гимн США раз за разом. Кусты вокруг здания разрослись так, что старый лагерь «Дельта-3» стал больше похож на кладбище. От блока «Ромео», в котором я провел последние дни перед инсценированным похищением, остались одни кирпичи. Все было старое, ржавое и грязное. Чем-то напоминало обстановку после урагана из моих фантазий.

Внутри «Золотого дома» ничего не изменилось. Комнаты теперь были предназначены для ФБР и военных криминалистов, для звонков адвокатам и для встреч с МККК. Но обставлены они были все так же: те же зеркала и комнаты наблюдения по бокам, где ленивые сотрудники Единой оперативной группы жевали свои холодные гамбургеры, смотрели на меня и не понимали, как я тут вообще оказался. Даже запах не изменился: как только я его почувствовал, сразу же вспомнил звук цепей в тот день, когда меня тащили по

коридору в комнату, где я встретил сержанта Мэри — одного из дознавателей так называемой группы специального назначения.

Однажды ночью в августе 2003 года я сидел прикованный в такой комнате и слушал телефонный разговор одного из переводчиков. Она звонила своей семье в США и забыла закрыть за собой дверь. Кажется, английский был ее родным языком, но с семьей она разговаривала на арабском с небольшим сирийским акцентом. Она спокойно рассказывала о своей ежедневной рутине в Гуантанамо, совершенно не обращая внимания на страдающего мужчину, лежащего рядом с ней. Это было именно то, в чем я нуждался в тот холодный враждебный вечер. Я надеялся, что ее разговор, больше похожий на пение, никогда не закончится. Я видел в ней проводника между мной и моей семьей, мне казалось, что если ее семья в порядке, то и моя семья тоже. То, что я пытался подавить одиночество, подслушивая чьи-то личные разговоры, поставило меня перед дилеммой: мне нужно было выжить, но я хотел также сохранить свою честь и уважать честь других людей. Сейчас мне жаль, что я подслушивал ее разговор, и могу только надеяться, что она простит мой непреднамеренный проступок.

Моим переводчиком во время «Золотой встречи» был 30-летний маленький смуглый американец арабского происхождения с короткими темными волосами.

— Вы из Западной Африки? — спросил он на арабском, когда меня ввели в комнату и приковали к полу. Цепи на моих лодыжках добавили музыкальный фон нашему разговору, расходясь эхом по всему «Золотому дому». В таких ситуациях мне всегда было интересно, что другие думают о нас, когда мы прикованы. Нормально ли для них общаться со связанными людьми? Им жалко нас? Чувствуют ли они себя в безопасности?

— Да, я из Мавритании, — ответил я на арабском, улыбаясь.

— Вы понимаете, что я говорю?

Комната была заполнена незнакомыми мне людьми, в основ-

Содержание

Об авторах.....	3
Отзывы о «Дневнике Гуантанамо».....	4
Хронология событий	9
Примечания редактора Ларри Симса к тексту и комментарии к восстановленному изданию.....	12
Конец истории и введение в новое издание по Мохаммеду ульд Слахи	15
1	15
2	27
3	40
I	
Иордания — Афганистан — Гуантанамо Июль 2002 — февраль 2003	47
II	
Сенегал — Мавритания 21 января 2000 — 19 февраля 2000	105
III	
Мавритания 29 сентября — 28 ноября 2001.....	138
IV	
Иордания 29 ноября 2001 — 19 июля 2002.....	177
V	
Гуантанамо Февраль 2003 — август 2003	213

VI

Гуантанамо	
Сентябрь 2003 — Декабрь 2003	274

VII

Гуантанамо	
2004–2005.....	315

Примечание автора	377
-------------------------	-----

Введение редактора к первому изданию.....	378
---	-----

Примечания	414
------------------	-----

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Мохаммед ульд Слахи,
Ларри Симс

ДНЕВНИК ГУАНТАНАМО

Дневник ада на Земле

(Російською мовою)

Підписано до друку 25.01.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 28,75. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

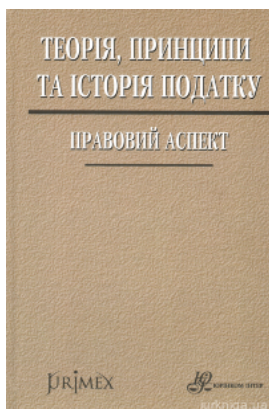
Психологія допроса
воєнноплених

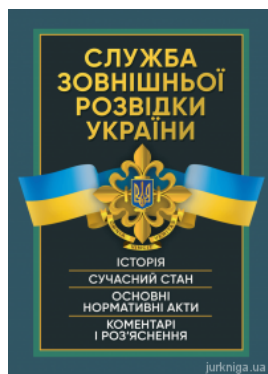
Курс водіння бойових
машин Збройних Сил
України

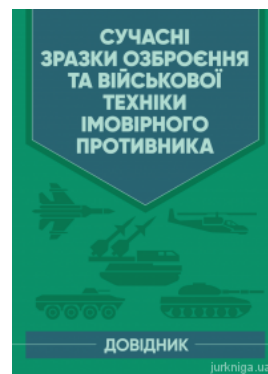
Словник військових
термінів та скорочень
(абревіатур)

Теорія, принципи та
історія податку:
правовий аспект

Служба зовнішньої
розвідки України.
Історія, сучасний стан,
основні нормативні
акти, коментарі і
роз`яснення

Сучасні зразки
озброєння та військової
техніки імовірного
противника. Довідник

Перейти до галузі права
Військове право

[Перейти на сайт →](#)